

Жуковская Н. В.

РОЛЬ ЕДИНИЦ С КОЛИЧЕСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В РЕАЛИЗАЦИИ ОЦЕНОЧНОЙ ФУНКЦИИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/32.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 85-87. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

wasted far and wide, // And many a childing mother then, // And new-born baby, died» [Poetry 1924: 193] - «Всё истребил огонь: и рожь // Не дождалась жнеца. // Больных старух, грудных детей // Погибло без конца» [Плещеев 1975: 403]. Отец Каспара бежал в оригинале Саути с одним ребенком, тогда как в переводе Плещеева - с детьми: «So with his wife and child he fled, // Nor had he where to rest his head» [Poetry 1924: 193] - «С женой, с детьми отец бежал: // Он бесприютным нищим стал» [Плещеев 1975: 403].

В балладе «The Battle of Blenheim» героико-историческая тема сочетается с иронией, блестяще переданной в переводе Плещеева: «Great praise the Duke of Marlboro' won, // And our good Prince Eugene» // «Why, 'twas a very wicked thing!» // Said little Wilhelmine. // «Nay, nay, my little girl,» quoth he; // «It was a famous victory» // «And everybody praised the Duke // Who this great fight did win» // «But what good came of it at last?» // Quoth little Peterkin. // «Why, that I cannot tell,» said he; // «But 'twas a famous victory» [Poetry 1924: 194] - «В честь победивших пили все: // Хвала гремела им». // - Как! - внучка деда прервала, - // Разбойникам таким? // «Молчи! Гордиться вся страна // Победой славную должна. // Да! принц Евгений и Мальборг // Тот выиграла бой». // Тут мальчик перебил: - А прок // От этого какой? // «Молчи, несносный дуралей! // Мир не видал побед славней» [Плещеев 1975: 403-404].

Как видим, переводы произведений Р. Саути, выполненные А. Н. Плещеевым, в достаточной мере точно передают как семантико-стилистические особенности, так и характерную иронию оригиналов, а также «конкретизируют тему страдания от сознания несправедливости» [Бухштаб 1972: 38], значимую для оригинального творчества русского поэта.

Список использованной литературы

1. Бухштаб Б. Я. Русская поэзия 1840-1850-х годов // Поэты 1840-1850-х годов. - Л., 1972. - С. 7-48.
2. Бэр М. Струэнзе: трагедия в пяти действиях / Пер. А. Н. Плещеева // Неделя. - 1890. - № 1. - С. 9-56.
3. Плещеев А. Н. Два слова к читателю // Плещеев А. Н. Стихотворения. 1845-1846. - СПб., 1846. - С. 45-48.
4. Плещеев А. Н. Стихотворения. - М., 1975.
5. Пустильник Л. С. Жизнь и творчество А. Н. Плещеева. - М., 1988.
6. Чуковский К. И. Бедный словарь - и богатый // Литературная газета. - 1963. - 20 июля (№ 87). - С. 13.
7. Poetry. Ballads Old and New. - N.Y., 1924.

РОЛЬ ЕДИНИЦ С КОЛИЧЕСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В РЕАЛИЗАЦИИ ОЦЕНОЧНОЙ ФУНКЦИИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Жуковская Н. В.

Таганрогский государственный педагогический институт

Публицистический текст, как известно, ориентирован не только на передачу некоторой информации, но также и на воздействие, на формирование мировоззрения адресата, на вызов у него определенного оценочного отношения к тем или иным фактам. При этом воздействие на читателя может осуществляться по-разному. Журналист может эксплицитно высказать нужную мысль, охарактеризовав те или иные явления как «плохие» или «хорошие». В этом случае адресант осознает, что выраженная оценка есть мнение журналиста, а не его собственное, то есть читатель не отождествляет данную оценочную информацию со своими взглядами, хотя он может и согласиться с точкой зрения журналиста (в этом и состоит задача последнего).

Однако есть и другой способ передачи оценочного значения, в некотором отношении гораздо более эффективный. Речь идет об имплицитной передаче оценочного значения, когда эксплицитно сообщаются только факты, то есть мнение журналиста как бы отсутствует, на самом же деле журналист отбирает именно те факты, которые способны воздействовать на читателя, причем так, что это незаметно для него самого. К информации такого рода относятся и сообщения о количестве чего-либо.

Читатели доверяют конкретным цифрам; оценку, полученную в результате сравнения цифр, они считают своим собственным выводом и вряд ли задумываются о том, что цифры тоже могут создавать субъективную картину и что журналист, возможно, приводит только те данные, которые характеризуют явление с выгодной для него стороны, а о «ненужных» данных умалчивает. В этом случае оценка обусловлена прагматической задачей, поставленной автором текста.

Как известно, одной из характеристик газетных текстов является их невоспроизводимость: они не хранятся и вряд ли прочитываются больше одного раза. В связи с этим может возникнуть сомнение в эффективности употребления журналистом конкретных цифр с целью определенным образом воздействовать на читателя. Ведь цифры трудны для запоминания, а если учесть, что в периодических изданиях их достаточно много, то очевидно, что лишь небольшая часть, возможно, останется в памяти читателя даже после прочтения одной газеты, не говоря уже о том информационном потоке, который обрушивается на человека, получающего информацию по нескольким каналам СМИ. Возникает вопрос: если мы забываем конкретные данные, приведенные журналистом с целью каким-либо образом воздействовать на нас, то и само воздействие сводится к нулю?

На самом деле это не так. Если приведенная цифра удивила читателя, вызвала у него положительную или отрицательную оценку, то она может запомниться надолго. Предложение «В квартирах волгодончан **холодно**», вероятно, не привлечет к себе такого внимания, как предложение «В квартирах волгодончан температура воздуха не поднимается **выше 5-8 градусов тепла**» (АиФ, 03,6). Это, конечно, связано с тем, что зна-

чение слов типа *холодно* является очень неопределенным. Читатель скорее запомнит информацию второго предложения, чем первого, хотя в первом предложении нет конкретных цифр.

Большой эффект производят не столько сами цифры, приведенные в тексте, а их сравнение. В СМИ к этому приему прибегают очень часто. Если журналист, к примеру, сообщает, что для повышения минимальной зарплаты требуется 2,7 триллиона рублей, читатель может вообще «не заметить» эту информацию, потому что она ни о чем не говорит. Гораздо больше шансов привлечь внимание адресата у следующего предложения: «*Для того, чтобы поднять минимальную зарплату ... потребуется, как посчитали в Минфине, 2,7 триллиона рублей (весь российский бюджет - 2,3 триллиона)*» (АиФ, 03,6). Читатель может не запомнить конкретные цифры, что, собственно, и происходит в большинстве случаев, какими бы эффектными они не были, но это не означает, что нужное воздействие не было осуществлено. Если предложение, в котором не приводились конкретные количественные данные, адресант может не запомнить вообще, то при иллюстрации основной мысли автора цифрами читатель, скорее всего, забудет лишь цифры, но зато запомнит главную мысль, именно потому, что конкретные данные позволили ему самостоятельно сделать вывод. «Иногда оценочные суждения, извлеченные из деталей описания ... могут лучше запомниться, чем сами эти детали» [Дейк 1989: 144].

При анализе газетных текстов обращает на себя внимание следующая особенность: единицы с количественным значением гораздо чаще используются для выражения отрицательной оценки, чем положительной. Так, на 100 примеров из текстов шести газет, где рассматриваемые единицы употреблялись с оттенком оценочного значения (не нейтрального), примерно 35% выражали положительную оценку, 55% - отрицательную, а оставшиеся 10% - положительную в рамках отдельного предложения, но нейтрализующуюся на уровне текста. По-видимому, такое соотношение отражает общую оценку ситуации в России в данный конкретный период времени. При этом следует отметить преобладание положительной оценки в одних контекстах, а отрицательной - в других: так, в большинстве случаев отрицательная оценка использовалась в статьях, посвященных общей политической и экономической ситуации в стране:

Налоговики собрали декларации за прошлый год, пересчитали перечисленные в бюджет средства - и прослезилась. Денег собрали 300 млрд. рублей - почти в 2,5 раза меньше, чем за 2001 год! - АиФ, 03,28.

С прошлой зимы цены на еду выросли на 5,5%. - АиФ, 02,40.

Положительная оценка отмечена нами в контекстах следующего характера:

а) при описании достижений, прогресса не в стране в целом, а в каких-либо частных областях (отдельные промышленные, сельскохозяйственные предприятия, некоторые районы и т.п.):

В среднем же заработная плата тружеников села выросла на 64%.

За счет собственных средств на 3,37 млн. рублей сократили долги прошлых лет по детским пособиям. - оба примера из статьи, в которой идет речь о достижениях Неклиновского района - АиФ, 03,6.

В Калининградской области цены упали - на 2,7%. - АиФ, 02,40.

б) при характеристике возможных успехов в будущем (с глаголами в будущем времени, сослагательном наклонении, в придаточных условия и т.д.), а также если речь идет о том, какой ситуация должна быть при нормальном положении вещей:

Если инвесторы поверят в нашу стабильность..., то стоимость барреля запасов может подняться до 3-4 долл. (сейчас при продаже лицензии на право добычи она составляет максимум 65 центов). От этого бюджет может получить как минимум 6 млрд. долл. в год. А при условии нормальной работы Министерства природных ресурсов..., ежегодные доходы страны могут вырасти на 15 млрд. - АиФ, 03,6.

в) при цитировании (например, слов политиков, общественных деятелей и т.п.):

Глава Пенсионного фонда России Михаил Зурабов доложил «КП», что только в этом году поднимет выплаты еще в три раза! - КП, 03,46.

г) при описании ситуации в других странах (часто в сравнении с положением дел в нашей стране, которое оценивается отрицательно, т.е. присутствует одновременно и положительная, и отрицательная оценка одного и того же факта):

Экономика США в прошлом году выросла на 2,5%, может быть, даже на целых 3%. - АиФ, 03,6.

Темпы роста Балтийских стран вдвое выше российских, а средняя зарплата выше в три раза (300-370 долл.). - АиФ, 03,6.

Сказанное не означает, что единицы с количественным значением употребляются с положительной оценкой в одних ситуациях, а с отрицательной - в других. Речь идет лишь о том, в каких контекстах чаще встречаются единицы с положительной оценкой, а в каких - с отрицательной. Соотношение контекстов, где количественные единицы использовались преимущественно с оттенком оценки «хорошо», и контекстов, в которых рассматриваемые единицы чаще употреблялись с отрицательным оценочным значением, можно представить в виде Таблицы:

оценка \ контекст	оценка общей ситуации в стране (политика, экономика, экология, культура и т.п.)	оценка ситуации в отдельных сферах (конкретные предприятия промышленности, сельского хозяйства)	оценка ситуации, возможной в будущем, прогнозы, мнения политиков и т.п.
положительная оценка	15,5%	58%	12%
отрицательная оценка	80,6%	16%	3,2%

Говоря о том, что в 10% проанализированных примеров обнаружена положительная оценка факта, нейтрализуемая на уровне текста, мы имеем в виду случаи, когда автор сообщает о каком-либо положитель-

ном явлении, но затем следует информация, если не опровергающая эту положительную оценку, то, во всяком случае, сводящая ее на нет. Таким образом, положительная оценка оказывается выраженной только на уровне отдельно взятого предложения, а в тексте она отсутствует. Поэтому, на наш взгляд, такие случаи следует отделять от примеров, где оценка положительна как на уровне предложения, так и в тексте.

Так, в предложении *Президент отметил рост реальных доходов населения на 32%, прирост резервов валюты и золота (с 11 до 61 млрд. долларов за три года), сокращение на четверть внешнего долга, увеличение рождаемости и снижение безработицы* единицы с количественным значением несут в себе положительную оценку, являясь конкретным доказательством прогресса, улучшения ситуации. Однако в статье, откуда взят данный пример, на уровне текста превалирует отрицательная оценка: прогресс, как выясняется, не столь значительный, зависит, в основном, от внешних факторов, и в целом радоваться нечему:

Президент мало говорил о достижениях, больше о недостатках. Отметил рост реальных доходов населения на 32%, прирост резервов валюты и золота (с 11 до 61 млрд. долларов за три года), сокращение на четверть внешнего долга, увеличение рождаемости и снижение безработицы. Однако счел необходимым уточнить: результаты связаны с высокими ценами на нефть на мировых рынках. «Благоприятная для нас ситуация не может быть вечной», - предостерег президент. «Результаты весьма и весьма скромны», - подвел экономический итог президент. Из 145 млн. человек населения 36 млн. россиян живут ниже прожиточного минимума... (АиФ, 03,21).

Итак, употребление количественных единиц в оценочной функции является яркой чертой публицистики. Цифры, приводимые журналистом, делают более эффективной всю содержащуюся в данном тексте информацию и способствуют оказанию на читателя нужного воздействия, а именно, формированию у читателя определенных эмоций, определенного оценочного отношения к сообщаемому.

Список использованной литературы

1. Дейк Т. А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. - М., 1989.
2. Клушина Н. И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ: http://expertizy.narod.ru/books/cena_slova3/036.htm.
3. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. - М., 1977. - С. 1-79.
4. Шостак М. И. Журналист и его произведение. - М., 1998.

ГОРДОСТЬ ИЛИ СОВЕСТЬ? ЧЕХОВСКИЙ ИВАНОВ НА ПЕРЕПУТЬЕ МЕЖДУ ЭСТЕТИЧЕСКИМ И ЭТИЧЕСКИМ

Зайцева Т. Б.

Магнитогорский государственный университет

Главный герой пьесы Чехова «Иванов», разочаровавшийся в прежних идеалах, «надорвавшийся», охладевший ко всякого рода деятельности, чувствующий только «утомление и скуку», как писал сам Чехов [Чехов 1976 б: 110], показан в экзистенциальной ситуации *отчаяния*: испытывая всеобщее непонимание, потеряв в жизни прежние опоры, лишившись надежд, Иванов оказывается брошен на самого себя. Само слово «отчаяние» появилось в окончательной редакции пьесы, над которой, как известно, Чехов работал долго и особо тщательно, добиваясь наиболее адекватного своему новаторскому замыслу воплощения образа Иванова.

На особенности экзистенциальной ситуации героя обращали внимание уже современники Чехова, например, А. С. Долинин пронизательно замечал: «И это обычный творческий прием Чехова, обычная его композиция: застигать своих героев в часы раздумья или расплаты, когда /.. / остается только роль созерцателя по отношению к самому себе и единственное занятие - рыться в своем прошлом, размышлять над своим тяжелым будущим и каяться в своем абсолютном незнании смысла и цели жизни. Эти часы и дороже всего для Чехова, ибо в них только и виден человек: тогда только проявляется его настоящая сущность» [Долинин 2002: 952]. Один из современных исследователей Чехова А. Д. Степанов констатирует: «В реальной жизни есть абсолютно неразрешимые, безнадежные ситуации - те, которые Лев Шестов называл «ситуациями отчаяния», а Карл Ясперс - «пограничными ситуациями». Именно на таких ситуациях, как на фундаменте, строится чеховская пьеса» [Степанов 1999: 63].

Однако задолго до Льва Шестова и европейских экзистенциалистов подобные ситуации описывал и анализировал в своих книгах датский мыслитель Сёрен Киркегор. Художественные, психологические, философские и теологические опыты Киркегора представляют собой основательное и тонкое исследование различных модусов человеческого существования - эстетического (в глубине которого кроется отчаяние), этического и религиозного уровней экзистенции. Самоосознание человеком погруженности в отчаяние, по убеждению предтечи экзистенциализма, является важнейшим условием пробуждения подлинного человеческого Я.

Между Киркегором и Чеховым вряд ли существовали генетические связи, хотя сочинения копенгагенского затворника - «Афоризмы эстетика», «Дневник обольстителя», «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал», объединенные в переводе П. Ганзена в книгу под названием «Наслаждение и долг», - были известны в России с 1885 г., и Чехов мог о них знать. Важно, конечно,